

С.И. Данилов
С.Н. Корсаков

Психология и власть. К истории идеологических кампаний в советской психологии 1930-х гг.

В статье рассматриваются идеологические кампании в советской психологии 1930-х гг., жертвами которых стали, прежде всего, культурно-историческая школа Л.С. Выготского и педология А.Б. Залкинда. Обосновываются тезисы о том, что: 1) основной движущей силой репрессивных кампаний в психологической науке была не господствующая марксистская идеология, а архетипический для России диктаторский характер власти; 2) среди учёных происходило расслоение на собственно исследователей и агентов государства в сфере науки; 3) важнейшую роль в проведении идеологических кампаний играла не столько власть или её репрессивные органы, сколько групповые сообщества в самой науке, претендовавшие на роль контроля и господства. Привлекаются малоизвестные и забытые литературные источники.

Ключевые слова: советская психология; культурно-историческая школа; Л.С. Выготский; педология; А.Б. Залкинд; идеологические кампании.

В 1920-е гг. советская психология пережила время бурного расцвета. Продолжали интенсивно развиваться рефлексология, реактология, педагогическая психология и дефектология. Возникли новые научные направления: культурно-историческая психология, педология, психотехника [17, с. 517–528]. В течение всех 1920-х гг. шли интенсивные дискуссии о психоанализе. Психоанализ не получил окончательно прав гражданства [8; 9], но он привлекал многих советских психологов своим материализмом и антиклерикализмом, а также богатыми возможностями в построении психологии художественного творчества. Основная линия дискуссий проходила в те годы между рефлексологами и сторонниками приоритетного развития общей психологии. Обсуждение научных вопросов на печатных страницах и в публичных залах было достаточно свободным и бескомпромиссным. Отличительная черта советской психологии 1920-х гг. в том, что она представляла собой конкурентную среду, в которой те или иные направления с большой быстротой проходили путь от идеи до теоретической концепции.¹

В 1930-е гг. ситуация резко меняется. Вместо соревнования разных направлений — поиски отклонений от догмы. При этом сама догма не сформулирована чётко, да это и невозможно было бы сделать. Потому

под ударом оказываются практически все. Первой жертвой пал, конечно, психоанализ. Помимо других причин, здесь сказалось то обстоятельство, что его наиболее активный пропагандист в СССР Вильгельм Райх занял жёсткую антисталинскую политическую позицию [11]. Но вскоре разгрому подверглись и многие другие направления советской психологии.

Бум интереса к этому периоду в истории отечественной психологической науки пришёлся на начало 1990-х гг. В вышедших тогда сборных исследованиях², посвящённых феномену «наука и власть», был поднят большой пласт фактического материала. В общей панораме сюжетов обязательно присутствовали и статьи о погромах на «психологическом фронте» [7; 14; 16]. Все эти исследования вписывались в общую парадигму восприятия самой проблемы «наука и власть в СССР», какой она сложилась в начале 1990-х гг.

Сегодня уже можно сказать, что проблема «наука и власть» в методологическом плане воспринималась тогда, а по инерции во многом и сегодня, в достаточной мере упрощённо, вернее — предельно схематично. Со стороны привлечения фактического материала было сделано очень многое. Но когда дело доходило до обобщений, то в основном они регулировались следующими тезисами. Во-первых, после известных в

Сергей Иванович Данилов — кандидат философских наук, доцент Военного университета Министерства обороны РФ (ВУМО РФ), доцент НОУ ВПО «Институт бизнеса, психологии и управления»

Сергей Николаевич Корсаков — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

¹ Всплеск научной активности, проявившийся в области психологии, отмечали многие очевидцы событий первого послереволюционного десятилетия: «Такого обилия выброшенных на общественный рынок идей, — писал К.Н. Корнилов в 1927 г., — часто противоречивых, может быть и ошибочных, даже ненужных, мы не наблюдали никогда ещё в истории русской психологии» (Корнилов К.Н. Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. — 1927. — № 10–11. — С. 215).

² Такие как «Репрессированная наука (Л., 1991) или проект «Наука и тоталитарная власть» № 3 и № 4 журнала «Философские исследования» за 1993 г.

то время публикаций А. Ципко или М. Капустина не критически был воспринят тезис о репрессивной природе марксистской идеологии. Само господство этой идеологии в обществе по определению приводит к подавлению научного творчества. Во-вторых, двумя основными, по сути, единственными контрагентами в указанной парадигме выступали тоталитарная власть с одной стороны, и с другой — разрозненные учёные, более или менее пытающиеся отстоять свою независимость. Вот, к примеру, в выводах к одной очень информативной в фактологическом отношении статье об идеологических кампаниях в советской психологии противопоставляется государство, которое осуществляет «идеологический прессинг», создаёт «аппарат подавления психологии», и психологи, «которые, несмотря на невыносимо сложные условия сталинского общества, продолжали строить здание своей науки» [14, с. 144].

Предельный схематизм и абстрактность этих исходных допущений, собственно, и позволили поднять пласт богатого фактического материала. В данную парадигму укладывался любой сюжет конкретных ситуаций репрессивного отношения к науке. Но время идёт, исследования отношений в системе «наука и власть в СССР» углубляются, от констатации общей «системы координат» переходят к изучению отдельных кейс-случаев. Процесс их познания обнаруживает недостаточность прежних исходных тезисов, а то и их прямую противоположность реконструированной картине фактических обстоятельств и ситуаций в истории советской науки. Возникает необходимость в уточнении и переосмыслении методологического инструментария изучения трагических страниц истории науки в СССР.

Применительно к психологической науке тезис о имманентной репрессивности марксистской идеологии входит в прямое противоречие с известным нам путём развития советской психологии. В 1920-е гг. мы наблюдаем полную свободу конкурентной борьбы без использования «административного ресурса». В 1930-е гг. происходит пресечение любых попыток самостоятельного исследования. Вектор развития меняется кардинально. При этом в стране марксистская идеология как господствовала, так и господствует. Следовательно, отсылка к идеологии не обладает объяснительным потенциалом применительно к истории советской психологии. Налицо зависимость этой истории от общественных процессов. Но конкретный фактор, приведший к изменениям, — не идеологический. Риснём предположить, что причину изменения ситуации на рубеже 1920-х — 1930-х гг. следует искать в сфере политики. Многофакторная, полицентричная политика Советов первого после революции десятилетия сменилась на диктатуру вертикального типа, в которой все решения принимал один человек. В России единовластный правитель — всегда «корифей всех наук». Он не нуждается для этого в санкции от марксистской идеологии. Поэтому теоретические построения с использованием понятия «тоталитаризм» в нашей социально-политической философии так и не наполнились конкретным содержанием. Применение такого понятия к реальности сталинизма не только ничего не объясняет, но даже излишне.

Перейдём теперь от сравнения советской психологии 1920-х и 1930-х гг. к более детальному анализу ситуации 1930-х гг. Мы видим, как научное сообщество делится на объекты проработок и на тех, кто их ведёт. Но нет такого «прибора», которым можно было бы измерить, насколько марксистскими являются тексты тех и других. Скорее наоборот, и у тех и у других через абзац цитируется Маркс. И те и другие осознают себя как марксисты. Но при этом разделение, при котором одни выступают врагами и отступниками, а другие — носителями истины, фиксируется совершенно чётко. Можно предположить, что марксистский характер текстов — обстоятельство, совершенно параллельное поляризации советского психологического сообщества. Нужно искать какие-то другие причины и факторы.

Высказанный нами тезис нетрудно обосновать, обратившись к текстам выдающегося советского психолога Л.С. Выготского. Поношение, которому подвергся рано умерший учёный, строилось на «доказательствах» немарксистского характера его текстов. Между тем тексты Выготского — прекрасный образец творческого прочтения марксизма. В наши дни в научном обороте находятся главным образом те

его тексты, которые вошли в шеститомное собрание сочинений и допечатанные позже сборники по педагогической психологии и психологии искусства. Но у Выготского были статьи на общефилософские и мировоззренческие темы. К ним обычно не обращаются, поскольку не владеют соответствующими литературными источниками. Вот, к примеру, статья Выготского «Социалистическая переделка человека» [2]. Тема — самая стандартная для начала 1930-х гг. На ней специализировались все проработчики Выготского. И он, и они находятся в общем контексте времени и мыслят категориями одной и той же идеологии. Но выводы Выготского прямо противоположны подходам сталинистов.

В указанной статье Выготский обильно цитирует Маркса. Но какие мысли он выделяет в качестве ключевых для психологии? — Маркс говорил о том, что подлинным предметом психологии является производственная жизнь человека, общественный труд. С разделением труда был разделён и сам человек. Он утрачивает целостность, превращается в функцию. Человек цивилизованного общества теряет многие выразительные личностные черты, без которых невысказана была жизнь дикаря. В функцию превращены теперь не только рабочие. Представители господствующих классов сами в рабстве у стихийных социальных сил, а их человеческая природа также односторонне искажена бездельем, как у рабочих — работой. Между тем развитие общественного производства по законам диалектики идёт противоречиво: уродуя индивидуумов, оно накапливает возможности для восхождения человечества, для его господства над внешней и собственной природой. Могущество растёт рука об руку с деградацией. Бесконечные возможности саморазвития человека в крупном производстве требуют не ретроспективных утопий опрощения (в духе Руссо), а изменения общественной формы. Необходимо гуманистическое изменение кардинального масштаба: из носителя функции человек должен стать субъектом, разумно меняющим всякие функции.

Вот так при разработке темы «формирование нового человека», которая по схемам начала 1990-х гг. является образчиком насилия над личностью, Выготский, опираясь на идеи Маркса, говорит о саморазвитии и свободе личности. А оппоненты его в статьях на ту же тему и с соответствующими цитатами писали о массовой формовке людей, полезных государству.

Возьмём для примера теперь другого лидера советской психологии, работавшего в совершенно иной методологии, чем Выготский, но ставшего в такой же степени объектом проработок. Речь идёт о А.Б. Залкинде. Можно даже не обращаться специально к тем или иным его текстам. Некоторые из них переизданы в наши дни. У кого-то его идеи, его остроты вызывают иронию. Чего стоят, к примеру, его «Язвы РКП». Но за ними — установка на объективное изучение психотипа функционера правящей партии и влияния сексуальной жизни на формирование этого психотипа [8; 9]. — Немыслимое по тем временам дело! А педология Залкинды? — Это реализация установки на объективное изучение ребёнка. Оно должно предшествовать воспитанию, а не быть его побочным моментом.

В политической психологии и педологии Залкинды мы находим один главный мотив: приоритет дескриптивного над нормативным. В сталинский период советская педагогическая психология строилась как нормативная наука, как учение о том, каким должен быть советский ребёнок. Залкинд же, исходя из своего понимания марксизма, превращал психику взрослых и детей в объект исследования, свободного от государственного контроля.

Сказанное позволяет выдвинуть следующее предположение. Разгром ряда направлений советской психологии в 1930-е гг. был связан не с их якобы отступлением от марксизма и с репрессивной природой марксистской идеологии. Развитие в рамках этих направлений ряда идей марксизма не вписывалось в формирование диктаторского режима традиционного российского образца, когда носитель высшей власти — властитель не только политический, но и духовный. Причём его полномочия на духовную власть вытекают из политических полномочий.

Культурно-историческая психология Выготского была разгромлена, поскольку развивала гуманистические мотивы марксизма в обществе, которое исповедовало пренебрежение к отдельной личности.

Политический психоанализ и педология Залкинда были разгромлены, поскольку были нацелены на объективное изучение личности взрослых и детей в обществе, которое не было заинтересовано в независимом экспертном изучении.

Теперь обратимся к тем, кто выполнял эти погромные задачи. Постановка этого вопроса лишена смысла в рамках прежней парадигмы, согласно которой суть только два контрагента: Советская власть и наука, и первая оказывает давление на вторую. В этом абстрактном противопоставлении процессы дифференциации среди самих учёных несущественны.

Если же в качестве решающего фактора развития науки и общества в целом взять роль политического единовластия, то станет понятным, как под воздействием этого фактора в научном сообществе будут усиленно проходить процессы самоорганизации, дифференциации и поляризации. Водоразделом станет выбор ценностных приоритетов. Либо это приоритет научной истины, либо это приоритет служения государству. В случае с гуманитарными науками служение государству есть защита тех самооценок, которые государству угодно себе давать в данный момент. Поэтому идеологические проработки вовсе не означают догматической позиции, они лишь означают отрицание установки на объективность и права отдельного учёного проводить независимое исследование и давать власти научные рекомендации.

Так в среде учёных происходило расслоение на собственно исследователей и агентов государства в сфере науки. Успешная административная карьера была немислима без проработок тех, кто пытался жить по иной системе ценностей. Поэтому среди проработчиков мы встретим, прежде всего, удачливых администраторов, имитирующих собственную научную деятельность.

Проработчики стремились обменять выполнение ими своей функции на материальные блага от государства. Они обладали достаточной квалификацией, чтобы обосновать виновность жертв. Власть, её представители такой квалификацией не обладали. Они давали лишь самые общие ориентировки. По существу, власти было безразлично, какие из научных направлений сохраняются, а какие — нет. Она лишь стремилась обеспечить несомненность своего положения в обществе. Поэтому решающая роль в том, кто именно будет подвергнут остракизму и уничтожен, принадлежала в 1930-е гг. не партийным работникам и не офицерам НКВД, а тому слою учёных, которые приняли на себя функцию слуг государства. Они отбирали жертв и обосновывали формулу их осуждения. По логике борьбы представители этого слоя объединялись в группы и боролись за сохранение за собой позиций контроля и господства в той или иной сфере науки.

Посмотрим, как работает наш тезис в случае с проработками культурно-исторической психологии Выготского и педологии Залкинда.

После смерти Выготского в 1934 г. директор Психологического института В.Н. Колбановский под своей редакцией опубликовал работу Льва Семёновича «Мышление и речь». В предисловии он заявил, что Выготского нельзя считать вполне марксистом, но что он «приближается к марксизму сложным, зигзагообразным путём» [4, с. V]. В развёрнутом введении к книге Колбановский утверждал, что Выготский «победил свои отдельные методологические ошибки и приблизился к марксизму-ленинизму», а его книга «полна глубоких и полноценных мыслей» [5, с. XXXV]. Главным достижением Выготского Колбановский назвал применение в противовес буржуазным психологам принципа исторического развития к психологии [4, с. IV].

После принятия в 1936 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» директор В.Н. Колбановский заявил на собрании в Психологическом институте: «Что является порочным в системе Выготского? Это его исходная основная методологическая позиция, заключающаяся в культурно-исторической

теории. Стоит ли Выготский в этом вопросе на позициях марксизма? — Нет, конечно. Каково моё отношение к этой теории? Нужно сказать, что я никогда не признавал эту теорию как теорию марксистскую или приближающуюся к марксизму. Но если разобраться в корне самой теории, то она требует сейчас самой обстоятельной критики как теория антимарксистская, как теория, не выходящая за пределы буржуазного понимания историзма, а следовательно, в корне враждебная марксизму» [1, с. 143].

Кто же здесь марксист: Выготский или Колбановский? Вопрос, как видим, излишний для понимания сути и причин идеологической кампании.

Учёный секретарь Психологического института П.И. Размыслов был более бдительным и «раскусил» враждебность теории Выготского раньше своего директора. Сразу по выходе «Мышления и речи» Размыслов написал, что культурно-историческая теория «успела много навредить психологическому участку теоретического фронта, ловко прикрывая свои псевдонаучные и чуждые марксизму стороны цитатами из работ основоположников марксизма» [10, с. 78]. Обвинения Размыслова в адрес Выготского и Лурии носили совершенно ложный характер: будто бы те игнорировали роль труда в общественном развитии, абстрактно понимали социальный коллектив. Но за живыми обвинениями просматривается и то, что на самом деле не устраивает психологов-сталинистов — стремление сторонников культурно-исторической школы объяснить сознание не с позиций механистического материализма — «исходя из мозга», а подлинно диалектически (идея, составляющая суть немеханистического материализма, развивалась потом в школе Э.В. Ильенкова). Размыслов по привычке хватается за цитату из Маркса, где говорится, что человек отличается от барана благодаря сознанию, но в приливе усердия договаривается до того, что у барана — «животное сознание», а у человека — человеческое [10, с. 80]. Но вскоре Размыслов выходит на привычную стезю политической проработки и говорит о «политической вредности» теории Выготского, который «по-своему истолковывает положения классиков марксизма» [10, с. 85], доверяет устанавливать цели воспитания социальной этике, а не партии и «умалывает значение нашей партии в деле воспитания нового подрастающего поколения» [10, с. 84]. Размыслов был вознаграждён в эпоху репрессий, получив несколько крупных административных постов, а в 1939 г. став замдиректора Психологического института.

Вот ещё пример проработки теории Выготского со стороны ведущего тогда специалиста по философским проблемам психологии Ф.И. Георгиева. Вновь мы видим ложные обвинения, будто Выготский не учитывает роль материальной деятельности людей, сводит всё мышление и речь к функциональному употреблению слова. Гениальная идея Выготского о том, что сознание — рефлекс рефлексов, иначе говоря, удвоенное отношение человека к самому себе, — по Георгиеву, «это уже просто идеализм» [3, с. 104]. «Мистицизмом» обозвал Георгиев другую гениальную идею Выготского о том, что раз возникшая в сознании структура обобщения переносится затем на иные области мысли» [3, с. 104]. (Спустя сорок лет В.С. Стёпин сформулирует аналогичный принцип «исторического конструктивизма»: сложившиеся ранее идеальные объекты применяются при создании новых знаний, погружаясь в новую сеть отношений; в теоретическом знании постоянно происходит трансляция абстрактных объектов; специальная картина мира данной науки в этих условиях выступает в роли исследовательской программы в других областях знания [13, с. 155]). Под ударом в 1930-е гг. оказались, как видим, деятельностные и гуманистические стороны учения Выготского.

Обратимся к текстам, в которых прорабатывали педологию и её лидера Залкинда. В них тоже находим лицемерие партийных слуг. Вот статья сотрудников НИИ охраны здоровья детей и подростков В.Н. Скосырева и Т.К. Чугуева. Два года назад Чугуев всю защиту педологию [15]. Теперь он разоблачает «лженаучные откровения педолога Залкинда». Что вызывает раздражение проработчиков в работах Залкинда? Даже не акцентировка на половом вопросе, а идеи, которые через со-

рок лет станут общепризнанными в нашем научном сообществе. Идеи, которые считаются теперь магистральными для изучения человека: что необходим комплекс наук о развивающемся человеке, или же «синтез наук о человеке», что педология — наука не только о ребёнке, но — о развивающемся человеке [12, с. 27], что необходимо объединение науки и искусства в постижении человека [12, с. 31]. Особое раздражение вызвала претензия Залкинда на то, чтобы на основе изучения человека давать научные рекомендации политикам, а то и самому проводить политику [12, с. 31].

В качестве «тяжёлой артиллерии» против педологии выступил директор Психологического института Колбановский. Он повторил ранее выдвинутые обвинения в игнорировании принципа партийности, элитаризме, в претензии изучать человека «от колыбели до могилы» — сегодня в науке это называется андрагогикой или теорией непрерывного образования. Высмеял как «словесную белиберду» [6, с. 90] верную идею о том, что в процессе личностного развития активная роль в отношении «среда — ребёнок» переходит от среды к ребёнку. Но вскоре Колбановский перешёл к главной причине «закрытия» педологии: попытке последней объективно изучать ребёнка, вообще человека. Методы, ставшие сегодня обыденной практикой педагогической работы: анкетирование, тестирование состояния учащихся, комплектование классов с учётом результатов измерений — вот что вызвало гнев верхов. Диктатура не могла допустить, чтобы учёные занимались измерениями, объективной диагностикой человеческого потенциала, да ещё давали рекомендации власти.

Литература

1. Выготская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. — М., 1996.
2. Выготский Л.С. Социалистическая переделка человека // ВАРНИТСО. — 1930. — № 9–10. — С. 36–44.
3. Георгиев Ф.И. О книге Выготского «Мышление и речь»: рец. на кн.: Выготский Л.С. Мышление и речь // Книга и пролетарская революция. — 1935. — № 4. — С. 100–105.
4. Колбановский В.Н. Предисловие редактора / Л.С. Выготский. Мышление и речь. — М., 1934. — С. III–V.
5. Колбановский В.Н. Проблема мышления и речи в исследованиях Л.С. Выготского / Л.С. Выготский. Мышление и речь. — М., 1934. — С. VI–XXXV.
6. Колбановский В.Н. «Так называемая педология» // Фронт науки и техники. — 1936. — № 12. — С. 82–93.
7. Петровский А.В. Запрет на комплексное исследование детства / Репрессированная наука. — Л., 1991. — С. 126–135.
8. Пружинина А.А. Арон Залкинд. Манифест сексуальной революции // — Философские науки. — 2010. — № 4. — С. 43–50.

Постигшие наше образование последствия сталинской «реабилитации педагогики» очень правильно охарактеризовал президент РАО А.В. Петровский: «Изучение того, что есть ребёнок, всё более заменялось декларированием того, каким он должен быть. В результате складывалось и сейчас препятствующее решению многих практических педагогических задач положение, при котором представление о том, каким должен быть ребёнок, превращается в утверждение, что таков он и есть» [7, с. 134]. Кроме того, вследствие погрома педологии «до сих пор не обеспечен системный подход к развивающемуся человеческому организму и личности. Мы не располагаем научной концепцией комплексирования данных разных наук, которое, разумеется, само собой не произойдёт в силу их оторванности друг от друга» [7, с. 133].

Как видим, если культурно-историческая школа пострадала за свою попытку дать гуманистическую интерпретацию марксизма, то педология — за антинормативность, стремление к объективному изучению развития человека в сталинском обществе.

В целом можно констатировать, что при изучении репрессивных кампаний в советской науке 1930-х гг. не следует преувеличивать роль идеологического фактора и, напротив, нужно уделять должное внимание политическому фактору. Кроме того, основные усилия должны быть сосредоточены на межгрупповых отношениях внутри научного сообщества, поскольку репрессивные акции властей часто были спровоцированы теми группами учёных, которые приняли на себя роль защитников государственной власти.

9. Пружинина А.А., Пружинин Б.И. Из истории отечественного психоанализа // Вопросы философии. — 1991. — № 7. — С. 87–108.
10. Размыслов П.И. О «культурно-исторической теории педологии» Выготского и Лурия // Книга и пролетарская революция. — 1934. — № 4. — С. 78–86.
11. Райх В. Психология масс и фашизм. — СПб., 1997.
12. Скосырев В.Н., Чугуев Т.К. Лженаучные откровения педолога Залкинда // Книга и пролетарская революция. — 1936. — № 10. — С. 27–33.
13. Стёпин В.С. Структура теоретического знания и историко-научные реконструкции / Методологические проблемы историко-научных исследований. — М., 1982. — С. 137–172.
14. Умрихин В.В. «Начало конца» поведенческой педологии в СССР // Репрессированная наука. — Л., 1991. — С. 136–145.
15. Чугуев Т.К. О прожектерских атаках на педологию (ответ на статью «Нужен ли курс педологии в педагогической школе») // Педагогическое образование. — 1934. — № 6. — С. 44–51.
16. Эткинд А.М. Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к «новому массовому человеку») // Философские исследования. — 1993. — № 3. — С. 224–251.
17. Ярошевский М.Г. История педологии. 3-е изд. — М., 1985.

PSYCHOLOGY AND POWER. TO THE HISTORY OF IDEOLOGICAL CAMPAIGNS IN THE SOVIET PSYCHOLOGY OF 1930s

S.I. Danilov

PhD in Philosophy, associate professor at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, associate professor at the Institute of Business, Psychology and Management

S.N. Korsakov

Doctor of Science (Philosophy), leading research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

This article deals with the ideological campaigns in the Soviet psychology of the 1930s, the victims of which became, first of all, the cultural and historical school of S.N. Vygotky and paedology of A.B. Zalkind. It substantiates the theses that: 1) the main driving force of the repressive campaigns in the psychology science was not the dominant Marxist ideology, but archetypal for Russia a dictatorial nature of the government; 2) there was layering among scientists on researchers and agents of the state in the field of science; 3) the most important role in the ideological campaigns played not so much the power or its repressive bodies, as group communities in the science itself, claiming the role of controlling and domination. The authors involve little-known and forgotten literary sources.

Keywords: Soviet psychology; cultural and historical school; L.S. Vygotky; paedology; A.B. Zalkind; ideological campaigns.